

Кирилл КОРЧАГИН

Кирилл Корчагин родился в 1986 году в Москве. Окончил московский институт радиотехники, электроники и информатики. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Института языкознания РАН, редактор отдела книжной хроники журнала поэзии «Воздух». Публиковался в журналах «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Знамя», «Воздух», Russian Literature и др. Автор двух книг стихов, сборника статей и книги переводов. Премия Андрея Белого в номинации «литературная критика и проекты» (2013).

12 СТАДИЙ БЛИЗОСТИ

1

Новое – то, что накатывается после того, как
проходят малозаметные перемены,
создающие иллюзию того, что вариации
незначительны, что время застыло
остановившимся дуновением
полдня, над плоскими облаками,
над плоской землей.

До пустыни еще далеко, но уже отсюда
видно как стена опоясывает пустыню,
как вьется она по холмам – киртимукха,
сисиутль с двумя симметричными пастями,
выплевывает грешников через ряды кпп.
Новое как столкновение старых историй,
утомительных и почти забытых,
редактура воспоминаний, проносящийся
атомобиль с упоротыми пассажирами –
стена повсюду, насколько хватает глаз.

И вот ему снилось, как на берег какой-то реки
поднимается три человека в маскхалатах,
хорошо экипированные, с голубыми глазами,
отражающими переплески воды.
И как они делают привал на берегу под сенью
неясных растений, и как через какое-то время
за ними поднимаются из воды три бомжа
и ножами режут троих в маскхалатах.
И он проснулся, и это сон, и, просыпаясь,
он ощущает, как кожа горит от восточного
ветра, а песок просачивается сквозь ставни,
вырастает под дверью, и в этом сне просыпаясь,
он видит сон.

2

В закатном свете собственная жизнь
кажется несколько иной: смена освещения,
угла наклона светила, голубая дорога воды
превращена в поверхность, по которой
скользить вплоть до ночи, чтобы утром
не находить себе места, хвататься
за все, что хоть немного
обещает освобождение, и в полдень,
сдирающий скальпы, узнать:
освобождение невозможно.

И вот на темной тусовке где-то недалеко от Яузы
я вижу их в пепельном свете –
братьев, стоящих у колесниц;
как движутся они среди подрагивающих людей,
как собирают оружие по углам,
просыпаются в подступающую зарю.
И после можно вернуться домой,
в расколотый надвое мир,
где движутся волны над волнами,
и пласты земли, вывороченной экскаваторами,
тихо зовут друг друга.

Я больше их не встречал,
только однажды в метро
на пересадке в толпе
кто-то из них показался,
чтобы совсем исчезнуть
темным пятном на млечном пути.

3

И вот под всеми звездами,
развешанными полотном,
они стоят, москвичи,
и в небе над ними
глазницы конского черепа,
откуда смотрит их прошлое,
вытекают несделанные дела,
непосещенные страны,
несбывшиеся любовники
и поездами отправляются к югу
самые уставшие, самые преданные друзья
сквозь дождевой воздух осени,
куда они вышли и уже не вернутся,
где гуляют по паркам
в обваливающейся листве
наши бывшие с нашим прошлым переплетаясь,
и глазницы, просвечивающие дома,
талую ночь пронзают звездами юга,
текут сквозь туман как грезы

выхлопов автомобильных: остановись,
полежи у цветов привокзальных,
посмотри, как проплывают они,
красавицы севера, как тянут
свой запах бомжи вдоль улицы
поездом в южную ночь, и всё,
что можно увидеть,
увидишь – и поплывешь
звездами в наступающий полдень.

4

Я хотел опросить все голоса, говорящие
на этих страницах, откуда они, зачем
произносят все это: вот один из них
не может определиться, зачем повторяет
слова из остывших, но готовых взорваться
книг о том, как невнятные люди
в пустыне, переходящей в отельные
пляжи, выясняют, как они оказались здесь,
когда вечером отступает жара.

Среди них есть такой, кто разрезает
ладшафт за ландшафтом,
вкатываясь в нашу спальню
слишком темным утром, и кто наблюдает,
как слипаются тучи над протянутыми
полями и то, как они снова на колесницах
у бара тусят.

И турист, заблудившийся среди размола
кладбища, где сплетение эстакад,
бродячие псы у табачных лавок,
упаковок и мебели рвани,
и он же где-то на озере смотрит
как медленно, невыносимо быстро
опадает природа, раскрывая
навязчивый сон, где уже все прошло
и едва ли начнется снова –

все или кто-то еще? Пусть ответят

5

(и решил спеть, на русский мотив)

переплещется звездной борзой
ветер, обойдет маяки дождь,
по предгорьям темным проникнет
человек смуглокожий в долину

петь на закате о нас

о том, что мга дождевая ползет
по корням, в глинистой почве вязнет,
мы в нее превратимся, и в старом пальто
кто-то искать нас будет в лесу,
повторяя: вот движение облаков,

слоистость дорог с расщепом
воды, выступающих пото́м
на спинах велосипедистов,
затвердевающих в ходе улиток
под провалами грозowymi,

а мы отправлялись в новую
прогорающую зарю, возвращались
к пропитанным топливом водоемам,
дружили с майским жуком, и гром
блуждал между капель:

так сворачивалось время теплым
щенком, тишиной в ухо дышало
на увалах волгло́го сна, заодно
с исчезающими нами, сверканием
в перерезающих проводах.

6

И вот снится *Connaught place*,
героиновый шик девяностых,
переулки, раздвигающиеся
в слякотные ротонды, бары
с колониальной историей,
сякнувшие в садах, людных
как московское метро,
и *cup of tea* рядом с пожилыми
сутенерами, похожими на левых
интеллектуалов Луи Малля.

Это место, откуда нельзя вернуться,
поселилось во снах, оно поглощает
настоящее всех заблудившихся здесь,
перемалывает новое в неистовую
строительную зарю, и после полудня
наши движения увязают в стеклах
испаринной помещений.

Здесь всегда очевидно, что ветер
приходит со стороны океана:
от горящей пустыни,
и, упираясь в предгорья,

выпадает над окружной
прогорклым туманом,
металлически трогает вóды,
но и дышит среди расщепы
жизни, всей этой.

7

С моими подругами мы всегда напоминали
русскую пару из «Волшебной горы»:
какая-то возня за стеной, выкрики,
хлопают двери, и всем неудобно,

и потом всегда непонятно — то ли уйти
то ли жениться, и все время по дороге
домой в такси повторяешь: уйти, жениться,
жениться, уйти и даже в кутузовском загсе

повторяешь все те же два слова, и всплески
ветров на волнах сереющих рек вроде бы
вторят нашим птичкам московским,
бредущим в кино, блюющим после премьеры —

я скучаю по вам, девушки моей юности,
на огромных каблах, поводящие бедрами
из стороны в сторону: только кресла кино-
театров сохраняют ваш смутный запах,

льется за вами река из разбитых сердец,
слипшихся в большую историю, и потоки
дыхания струятся от гопарей, забвением
затопляя наши неловкие сцены.

8

С берега в клевере отцветы видно рыжие
скалы, как они становятся выше чем ближе
на запад и снижаются с небом как некогда,
где пальмы скалистого берега пропускают
дыханье сквозь нас, выплескиваясь
на складчатое побережье, и жженье
проникает в тебя постепенно, и уже
видишь ясно как днем, пока я ищу
подходящую сцену: как сухие травы
нас жгли, как я все хотел
разлиться течением вечности
по стекленеющим водам
или впитаться в песок,
и вот увидел зеленую гору и как будто она
неподвижна, но ведь она движется

быстрее чем самый порывистый ветер,
и когда раскололся воздух, так вышло
что осень уже наступила.

9

Среди нас была и такая, которая путала
сон и пробуждение, ее затапливало волнами
света с каждой переменной погоды,
ей снились окровавленные люди
в шагающих танках, соленый пот
невероятной армии будущего,

но была и другая: целый сезон она оставалась
красавицей обеих столиц, откуда-то
из территорий, где скоро начнется война,
и что-то ей тоже снилось, и в общем-то все мы
очнулись внутри ее сна:
где на поле мужчины и женщины
бьются вместо враждующих кланов,
где отступающих травят собаками,
и победа не за горами –

их обеих я знал в тот год, когда
москвичи, просыпаясь ночью,
наблюдали над сити одиннадцать
звезд и луну, и солнце, и все они
там были одновременно.

10

Сначала закончился сезон улиток:
их раздавленные панцири въелись
в дорогу, затем лягушки перестали
тонуть в колодце и петь, комары
затихли, водохранилище глухо звать
над затопленными лесами и обрывки
тумана летать по полям.

И на закате он говорил сам с собой:
Я был сокровищем потаенным, но хотел,
чтобы узнали меня, и создал творение
и узнали меня. И растекался светом
по всем окрестным дворам и в каждой
выбоине дорожной звал кого-то,
переплавлялся в гудение воздуха,
темные росчерки птиц, ясные
доказательства собственных теорем.

И склонялись самые высокие борщевики,

впрыскивали успокоительный свет
и гудели всю ночь над ним до рассвета
пока лежал он, всплывая в воздух
восточного сна, где пыльные люди
преследуют друг друга среди редкой
зелени, стекла стерильной пустыни.

11

И я лежу, где плевки шавермы,
где сквозь огни переливаются
девочки, мальчики – я с ними работал
в медиахолдинге «большой поэт»,
на парапете, недалеко от тоски
и надежды, вытекающих из дверей
на Курском вокзале, где все время
одиннадцать звезд горят
над еврокафе и луна, и ветер
соскальзывает с восходящего солнца,
напоминая, как пахнут вещи
квартир на окраине, те, что приходят
к спящим за пару минут до рассвета;
и я вижу их всех, пока мимо меня
проходят друзья, и держат
в руках напитки всех стран,
и любовью всех стран себя отравляют,
и один наверное оставит
теплую банку, и в рукав
я спрячу ее, пока не увидят,
чтобы давиться сладким ее теплом
как давился ты
кристаллами ночи в шхерах
студии в сити, где с высоты видно всех
и меня, и как я лежу, и плевки весны,
и скрученной ночи выхарки,
невдалеке от ментов жгущие землю.

12

Безумие в горах. Не только
звезды, но и джинны окраин:

когда возвращались, нам рассказали
историю о пастухе. Среди гор он встретил
школьную любовь, к дому которой
поднимался каждый день по самой
крутой тропе, где уже осыпается
галька, поднимался снова и снова,
когда уезжала она, возвращалась и снова.

И вот прошло десять, двадцать лет:
он встретил ее и мужа ее,
еврея из Джорджтауна,
и всю ночь носил его голову
в пастушеской сумке,
и голова говорила с ним,
шептала что-то о том, как идет он
где-то по улице Руставелли,
и его ослепляют каштаны,
и ветер с реки, и весна;

водоемы Москвы, карликовые пороги –
всё, что струится, и эта почва,
и расколовшийся вечер – вас не так уж
много, но не всех я помню, скатывающихся
по холмам в пригородах Неверленда,
где слишком ясное небо или разрывы туч,
где даже джинны веруют в единого Бога,
зеленцой заволакивая наши глаза.